

Литературное обозрѣніе.

„Богатство“.—Благонамѣренное оскудѣніе.—Два Михайловскій и Подарскій.—Старческое шам-Молодая интеллигенція.—Старички обидѣлись.—Безъ зеренъ. Разказы А. Н. Новикова.—Взглядъ!—Бобыль.—Человѣкъ-звѣрь. В. Брустлина.

Михайловскій въ январьской книжкѣ „Богатства“, разбирая вновь вышедшій прикѣ в. В. Барятинскаго говорить „Мысляхъ и замѣткахъ“:

очень благонамѣренныя—въ прямомъ, въ смыслѣ, благонамѣренныя мысли и

то-же самое хочется сказать и о самомъ „Русское Богатство“. Хорошій журналь и какія все благовидѣнія исповѣдуетъ. Какой отдѣль верни, нигдѣ не найдешь этакого прощія или отступленія отъ честныхъ взглядовъ. И любовь къ человѣку, и скорбь о народо-забытыя слова“, повторяемыя г. Михайловскімъ и г. Подарскимъ. Но удивительное, дѣло: прочтешь одно оглавление и не тянетъ развѣзать новую книжку. Тамъ тамъ какой-нибудь. Разумѣется, знаешь, направление и тенденція не оставляютъ ничего лучшаго. А не тянетъ, ей-Богу читать, прочтешь.

Подарскій жалуется на оскудѣніе литературы, но быть можетъ нигдѣ это оскудѣніе выражается болѣе рѣзко, какъ на самомъ „Бог.“.

перелогахъ, конечно, не говорю, но отенная беллетристика сѣра, какъ обложка. Авторы излагаютъ болѣе или менѣе творительно свои наблюденія, но почему свои изложенія называютъ разсказами, произведеніями художественными, это неизвѣстно.

сти весьма приличныя. *)

какой-то интересъ, кажется, представляетъ только два кита, поддерживающіе ор-забытыхъ словъ“—Михайловскій и Подарскій.

интересъ конечно относительный, ибо и ихъ сть весьма скудно.

Михайловскій бесѣдуетъ о томъ, о чемъ говаривалъ уже много разъ, но, говоря по сти, во всякомъ случаѣ не лучше, чѣмъ иде.

Иногда это были искры и блестяшки, увлекающая и сильная рѣчь—теперь нѣчто, хотя весьма идейное, но совершенно безколорит-

долженъ оговориться: статья г. Анненскаго: „Колько цифръ“ имѣетъ выдающееся значеніе: въ русской статистикѣ“ умѣетъ оживлять мертвыя цифры.

Тянетъ, тянетъ человѣкъ душу, выматываетъ. Да не пора ли ужъ перестать?

Г. Подарскій поживѣе и даже съ попытками боевыхъ вылазокъ, но кажется въ картонномъ вооруженіи и съ бутафорскимъ мечемъ. Очень осуждаетъ современное направленіе интеллигенціи, считаетъ, что русская мысль находится въ періодѣ реакціи и надѣется, что вновь де засіяетъ солнце 70-хъ годовъ.

А мораль сей басни та, что молодая интеллигенція не хочетъ слушать насъ, старичковъ—и ищетъ какихъ-то новыхъ путей и словъ.

Для вѣщаго убѣжденія читателя въ томъ, что мы находимся въ періодѣ реакціи, г. Подарскій въ М. Горькомъ усматриваетъ нѣкій переходъ къ ренессансу народническаго направленія и только сѣтуетъ, что жизнь современная не даетъ развернуться этому таланту, вынужденному искать „личности“ въ босыхъ, людяхъ некультурныхъ и несознательно проявляющихъ свое стремленіе.

„Русское Богатство“, предаваясь старческому шамканью и по старчески обижаясь на невниманіе, совсѣмъ не поняло, да кажется и понять не въ состояніи сущности процесса, могучаго и вполне здороваго, который переживаетъ современная интеллигенція.

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ шла проповѣдь нѣкоего самоотреченія, будто-бы вытекающаго изъ гуманитарныхъ идей въ ихъ примѣненіи къ жизни. Та личность, о которой такъ хлопочетъ г. Подарскій, чтобы получить названіе передовой и честной, должна была все дѣлать для другихъ, отрекаться отъ личнаго счастья, жертвовать собою во имя идеи народнаго блага и т. д. Отсюда получался донъ-кихотизмъ въ различныхъ его проявленіяхъ, кончавшійся самоугрызеніемъ и страданіемъ, когда запросы личнаго счастья брали верхъ или въ худшемъ случаѣ сжиганіемъ тѣхъ боговъ, передъ коими раньше поклоны отбивали.

Строго говоря, сама идея являлась какъ бы нѣкоторымъ насиліемъ надъ личностью.

Естественно, что явился протестъ именно личности. Явилось болѣе здоровое, а не подвижническое стремленіе осуществить счастье для себя, претворяя идею въ жизнь не путемъ подвиговъ самоотверженныхъ, а путемъ борьбы за права личности. Въ этомъ и сущность современнаго направленія интеллигенціи. „Забытыя слова“ вовсе не забыты, но только они не пишутся на знамени, ибо вошли въ обиходъ. Интеллигенція не перестала быть гуманной и отзывчивой, но она какъ бы слѣдуетъ словамъ Писарева: „Тому, кто не можетъ помочь самъ себѣ, нечего и думать о помощи другимъ“ **)

Можно, конечно, называть это реакціей, но можно и заслужить упрекъ, что „отцы“ не хотятъ вникнуть въ стремленія „дѣтей“ и огульно осуждаютъ новое время, а свое старое похваляютъ и въ примѣръ ставятъ.

**) Не имѣя полъ руками сочиненій Писарева, пишу на память.

И повѣрите, г. Подарскій, что такая борьба за права личности, а не за отвлеченную, хотя бы и самую прекрасную, идею, наиболее плодотворно дѣйствуетъ и на окружающую, не культурную массу, вѣрящую именно тѣмъ, кто можетъ „помочь самому себѣ“. И. М. Горькій и его ученики основаны именно на томъ, что онъ ищетъ личность въ дѣйствительной жизни, что онъ восторгается „буревѣстникомъ“, а не голубицей, проливающей гражданскія слезы и отъ онаго занятія поху-дѣвшей до неспособности летать.

Новое, еще только что опредѣляющееся движеніе, именно находящееся пока въ періодѣ незаконченнаго броженія и создаетъ временное оскуднѣніе. Уходятъ силы на внутреннюю работу, на выработку сильной интеллигентной личности, взаимѣ дряблѣхъ и ноющихъ страдалцевъ за идею.

И какъ это только вы, старички, проглядѣли новое движеніе со своего насѣста, занимаясь перетряхиваніемъ мякны въ тщетныхъ попыткахъ найти зерно? Вы свою службу отслужили и мы вамъ очень благодарны, вы именно отмолотили зерно, очистили его. Оно теперь хочетъ расти самостоятельно, корни пустить и цвѣтъ дать. А въ мякинѣ, оставшейся отъ молотбы, копать дѣло вовсе бесполезное.

Молодую интеллигенцію и ея стремленія хорошо рисуетъ В. Вересаевъ въ „Мірѣ Божьемъ“—въ повѣсти „На поворотѣ“, но разборъ этого несомнѣнно выдающагося произведенія я оставлю до того времени, когда выйдетъ мартовская книжка съ окончаніемъ повѣсти.

Послѣ манерныхъ приемовъ и такъ сказать излишества тенденціи (ни слова въ простотѣ, а все съ ужимкой) при полномъ отсутствіи художественнаго творчества, просто отдыхаешь на „Деревенскихъ сценахъ“ А. Н. Новикова въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Разказы безпритязательные, таланта крупнаго не замѣтно, но человекъ, видимо, писалъ о томъ, что хорошо знаетъ, что поразило его въ деревенской жизни. Авторъ не заставляетъ говорить описываемыхъ личностей то, что ему самому хочется и не избѣгаетъ того, что противорѣчитъ заранее предвзятому взгляду. Авторъ—несомнѣнный народникъ, но подходит къ крестьянской жизни вплотную, и описываетъ ее, стараясь подѣйствовать на воображеніе читателя жизненной правдой, а не собственными сантиментальными воздыханіями, или собственными хорошими убѣжденіями.

Нельзя конечно ставить въ вину Новикову, что средства у него небольшія, что на палитрѣ его мало красокъ, что литературнаго таланта отпущено на его долю самая малость.

Теплымъ чувствомъ проникнуть разсказъ: „Мама, дззя“... И надо сказать, что простота изложенія и безыскусственность, отсутствіе желанія бить на эффектъ—сослужили автору огромную службу. Эта маленькая драма тѣмъ болѣе поразительна, что все какъ то совершается съ удивительной простотой, въ кото-

рой и заключается глубокой трагизмъ положенія.

Маленькій родился и ему даютъ со-ску изъ чернаго хлѣба, чтобы „нутро-кисло-той стаяло“. Такъ-то! крѣпче будетъ.

Отецъ отправляется косить еще недозрѣвшую рожь, потому что совѣстно просить у сосѣдей. Мать вяжетъ снопы, а въ колыбели, привязанной къ телѣгѣ. Тутъ же привязана и лошадь, которая чего то пугается, бѣжитъ, люба бьется, сейчасъ малютка обратится въ исковерканный трушъ.

Слава Богу, остановили лошадь. Только мать перепугалась и быть можетъ этотъ случай былъ главной причиной ея болѣзни.

Мать лежитъ больная, умирающая. Сема выросъ и научился говорить: „Мама, дззя“. Такъ онъ проситъ грудь. Мать его жалѣетъ и беретъ къ себѣ, хотя у ней давно уже нѣтъ молока.

Вотъ послѣднія ея минуты.

„Но мысли путались; боли она не чувствуетъ никакой. Ей хочется еще посмотрѣть на сына. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы повернуться. Мальчикъ проснулся.

— Мама, дззя... Мама!

И онъ лѣзетъ къ ея груди. Но она не можетъ помочь ему.

— Господи, я умираю... Господи, пошли счастье Семѣ!—мелькнуло у нея въ умѣ.

Но мысль уже не работаетъ, и только машинально губы какъ бы шевелились

— Сѣма... Сѣма!..

— Мама, дззя!..—кричалъ мальчикъ и начиналъ сердиться и плакать, что мама дззя не даетъ...

Къ обѣду торопится Петръ; онъ отворяетъ дверь, входитъ. Слышитъ плачъ дѣтскій и крикъ:

— Мама, дззя!..

Петръ наклонился къ женѣ... Сѣма кусалъ грудь умершей...

Но несомнѣнно болѣе крупное значеніе для характеристики современной деревни имѣетъ разсказъ „Бобыль“.

Личность бобыля можетъ показаться на первый взглядъ нѣсколько идеализированной, однако, при чтеніи ни на минуту не сомнѣваешься, что такая личность возможна въ дѣйствительной жизни, болѣе того, такіа личности встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ мы привыкли думать.

Бобыль, самъ сирота, испытывшій ужасъ кормленія міромъ и не сумѣвшій устроиться своимъ домою, обзавестись семьей, всю свою жизнь ходилъ изъ деревни въ деревню и побирался Христа ради. Но помня свое несчастное дѣтство, онъ на собранныя милостыней деньги помогаетъ другимъ сиротамъ, изнывающимъ подъ гнетомъ мірской благотворительности. Все это такъ просто и естественно описано, что у насъ не является подозрѣнія въ сантиментальной фальши автора.

Любопытно, что бобыль рѣдко посѣщалъ помѣщицки усадьбы. Тамъ его встрѣчали не-

дружелюбно. Признавали за дармоѣда и тунеада. Даже осуждали благотворительную дѣятельность.

„Генеральша знала, что онъ помогаетъ сиротамъ.

— Что ты, братъ, считаешь себя возстановителемъ несправедливостей судьбы? Исполнялъ бы свой долгъ—работалъ-бы, а сироты и безъ тебя не пропадутъ. Богъ ихъ не оставитъ. Я... другіе... не бросать сиротъ. Нешто я имъ не помогаю? А?... скажи.. я имъ не помогаю?

— Извѣстно дѣло, вы милостивы...—То то вотъ и есть; а ты вотъ все работать не хочешь!

И генеральша приказывала, если бобыль голоденъ—накормить его, но отнюдь не давать денегъ“.

Когда бобыль смертельно заболѣлъ (вѣроятно ракомъ желудка), его въ земскую больницу не приняли.

— Мы съ этой болѣзнію не кладемъ въ больницу.

„Какъ ни просили доктора самъ бобыль и сосѣй, какъ ни объясняли безвыходность положенія, докторъ стоялъ на своемъ:

— Съ этой болѣзнію мы не принимаемъ.

Пришлось везти его обратно къ уряднику.

— Что-жъ теперь дѣлать? Вези его въ Зайчики.

— Да вѣдь у меня тамъ нѣтъ ни дома, ни родныхъ,—слабымъ голосомъ замѣтилъ больной.

— Знаю, знаю. Что-жъ теперь дѣлать? Староста и общество что-нибудь придумаютъ.

При словѣ „общество“ морозъ подернулъ по кожѣ бобыля. Вспомнилось ему дѣтство.

— Неужели опять меня начнутъ поденно кормить?—подумалъ онъ.“

Когда бобыля привезли въ деревню, собрались „мірскіе люди“ и стали обсуждать, что дѣлать.

„Всѣ отодвинулись. Подошли старики, какъ будто надо было имъ видѣть больного, чтобы толковать о немъ.

— Ну, что же, старики, дѣлать? Вишь, какой грѣхъ приключился!

— Что же дѣлать? Къ становому его надо.

— Становой ничего не сдѣлаетъ. Урядникъ сюда прислалъ. У станового не больница,—сказалъ старикъ.

— Въ кутузку его посадить, какъ безроднаго,—замѣтилъ одинъ путникъ.

— Чего зубы чесать? Надо дѣло говорить, а не зря болтать.

— Андрею Трофимову его. Онъ ему родня.

— Какой онъ мнѣ родня? Батюшка-покойникъ надъ нимъ опекуномъ былъ. Говорили, онъ ему какой-то дядя дальній доводился. Нешто это родня? Да еще и дядя-то онъ ему былъ по женѣ. А я-то ему вовсе ничто.

— Ну, такъ что же? Въ больницу въ городъ?

— Чтобы онъ тамъ залежалъ еще на нашу шею. Хорошо, какъ онъ скоро поправится, али помретъ, а ну какъ долго пролежитъ?

Такой кошель намъ на шею сядетъ—вѣкъ не отмотаешься.

Долго судили и рядили мужики и порѣшили, какъ ни какъ, отправить его въ больницу въ городъ“.

Бобыля пріютила старуха Маланья и онъ умеръ въ родной деревнѣ, завѣщавъ всѣ свои 30 рублей сиротѣ Костюшкѣ, котораго онъ все время одѣвалъ и обувалъ на собранную милостыню.

Вотъ этотъ именно рассказъ, пожалуй, не долженъ нравиться сторонникамъ „міра“ и общины.

Не въ одномъ только дѣлѣ благотворительности и опеки отдѣльные крестьяне боятся „общества“, создающаго въ концѣ-концовъ повсюду угнетеніе личности. Высокой душой бобыля можно, конечно, восхищаться, но какова же та среда, въ которой люди способны на поддержку члена своей общины—сироты—лишь при посредствѣ нищаго, вымаливающаго копѣйку Христа ради? Видѣтъ въ крестьянской общинѣ проявленіе общественнаго почина могутъ только сантиментальные фантазеры. Рѣшеніе схода является не болѣе какъ суммой эгоистическихъ желаній отдѣльныхъ личностей, придавленныхъ нуждою и голодомъ. Едва-ли доживемъ мы до лучшихъ временъ деревни, не переживъ нѣкоторой экономической эволюціи, которая избавитъ народъ отъ гнета патріархальныхъ пережитковъ и приведетъ его къ разумному сознанію общности дѣли.

Обращаетъ вниманіе въ февральской книжкѣ журнала „Міръ Божій“ рассказъ В. Брусянина: „Человѣкъ-звѣрь“.

На захоластной станціи, гдѣ-то въ Башкиріи, авторъ вынужденъ былъ ждать дѣльня сутки поѣздъ, задержанный на пути вслѣдствіе желѣзнодорожной катастрофы. Являются и другіе пассажиры: о. дьяконъ и мѣстный купецъ-землевладѣлецъ. За чайкомъ происходитъ бесѣда и купецъ сообщаетъ, между прочимъ, о причинѣ катастрофы. Чернорабочій, рассчитывающій поступить сторожемъ на первую открывшуюся ваканцію, развинтилъ гайки, чтобы послѣ несчастія сторожа прогнали, а его приняли на это мѣсто.

Дьяконъ возмущается.

— Звѣрь-человѣкъ... Звѣрь-человѣкъ!

Но когда онъ уходитъ на платформу, купецъ рассказываетъ, что дьяконъ ѣдетъ въ городъ съ дѣлюю выхлопотать себѣ мѣсто, занятое сейчасъ старымъ и больнымъ человѣкомъ, имѣющимъ огромную семью. Старика хотятъ заставить уйти за штатъ, хотя онъ и можетъ еще справлять службу и никто на него не жалуется. Со свѣта сжить хотятъ.

Но и самъ купецъ, какъ оказывается, дуть крестьянъ, которымъ „передохнуть нельзя“.

Со страницъ этого рассказа на читателя смотрятъ голодные и жестокие глаза:

— Жрать!

С. Яковлевъ.